

Поэтические страницы

Т.Е. Морозова

Рабиндрошонгит — песни Солнечного Индры

...Очень я люблю следующие строки из соч[инения] Тагора: «Да не молюсь я быть укрытым от опасностей, но лишь о бесстрашии, встречая их. Да не прошу утишить мою боль, но лишь чтобы сердце победило ее. Да не ищу я союзников в жизненной битве, но лишь мою собственную силу. Даруй мне силу не быть малодушным, чужая Твое Милосердие лишь в моих успехах, но дай мне почувствовать пожатие Твоей Руки в моих ошибках».

Е.И. Рерих. Письмо к Ф.А. Буцуну от 5 апреля 1938 года

В 1913 году индийский поэт Рабиндранат Тагор был удостоен Нобелевской премии за сборник поэм «Гитанджали». В переводе с бенгали это означает «Жертвенные песни», и в Европе они долгое время ассоциировались исключительно с жанром поэтическим, отнюдь не музыкальным. В действительности же в оригинале из 239 поэм этого сборни-

ка 157 являются песнями. Но об этом миру станет известно позже, так же как и о том, что Р. Тагору принадлежит более двух тысяч сочинений, в которых он был автором и стихов, и музыки. Это богатейшее наследие, выделяемое как особое направление в индийской музыкальной культуре, именуется *Рабиндрошонгит*, то есть «музыка Рабиндраната».

Творческая деятельность Р. Тагора в области музыки – явление уникальное. Воспитанный на классической индийской традиции, ставшей органическим и основополагающим началом в его музыкальном творчестве, он одновременно проявлял большой интерес к фольклору и смело использовал в своих произведениях не принятые ранее приемы композиции. Определенное влияние на формирование его творческого почерка оказала европейская культура, которая раскрыла перед ним совершенно иной мир музыкального мышления и расширила его представление о возможностях музыки в целом. Тагор сочинял свои музыкально-поэтические произведения с юных лет до преклонного возраста. И хотя уже при жизни его почитали как известного поэта, писателя, драматурга, сам он неоднократно говорил, что хотел бы остаться в памяти потомков в основном как создатель песен. Желание Тагора осуществилось: до сегодняшних дней его песни помнят, любят и поют не только в Индии, но теперь уже и во многих других странах.

Чем же замечательны песни Рабиндраната? Прежде всего своей чарующей мелодикой. И, конечно, образно-яркой поэзией. А кроме того – необычайно широкой тематикой. Современники Тагора говорили, что, «пожалуй, нет ни одной близкой человеческой душе темы, которую бы не затронул в своих песнях великий учитель»¹.

В этой связи следует отметить, что в индийской классической музыке, как и в поэзии, исторически сложился определенный круг тем, где в качестве основных полагались *пуджа* (поклонение), *прэм* (любовь), *пракрити* (природа). На протяжении веков практически все классические вокальные сочинения укладывались в эти традиционные поэтические разделы, и смешивать их было не принято. Для Рабиндраната Тагора такой тематический круг оказался слишком узким. Характерными чертами его песенного творчества стали не только политематизм (что уже резко отличало его от других поэтов-музыкантов) и не только новизна тем, ранее не имевших места в высокой индийской поэзии, но в еще большей мере – непривычно свободный подход к раскрытию канонизированных тем. Не-

Рабиндранат Тагор. 1886

традиционное выражение поклонения Всевышнему, а также слитые воедино чувства любви и восхищения природой – все это затрудняло проблему тематической классификации Рабиндрошонгит и вызывало нешуточные споры.

Согласно классическим нормам тематика индийских песен носила преимущественно ритуальный характер и сводилась обычно к воспеванию богов, обожествлению явлений природы, разработке отдельных сюжетов из древних мифов и легенд. Тагор осознал, что широко распространенные среди населения религиозные принципы очень устойчивы. Вместе с тем он резко выступал против ортодоксального индуизма. Ему больше импонировали религиозно-идеалистические концепции универсальной «религии человека», следуя которым, он стремился пробуждать в каждом, кто слушает его песни, чувство собственного достоинства и стремление к пониманию и созданию прекрасного. Его пуджа не содержит самоуничижения и безответной покорности. И если поэтическое слово автора обращено к Всевышнему, то не как к всеопределяющему прорицателю, а как к Творцу, создавшему человека, страждущая и мечущаяся душа

¹ Тхакур Ш. Рабиндронатэрган. Калькутта, 1966. С. 15 (перевод с бенгали).

которого не молит о дарованной милости смиренного покоя, а просит сил и твердости духа, чтобы обрести счастье, достойное его назначения.

*О, вседержитель!
От уз вековых избавь!
От страха избавь, повелитель,
Душу избавь от сомнений,
От робости, бедности, лени.
Ночь, словно склеп. Путник ослеп.
Зажги свой светильник –
слепца на дорогу направь!²*

Другая песня, слова и мелодия которой необычайно лучезарны, прозрачны, переполнена чувствами восторженности и восхищения красотой Мироздания; Божественное начало здесь не довлеет, но присутствует, оно во всем и рядом... в какой-то «нереальной реальности»:

*Утром невинное счастье расцветает
с душистым цветком,
И я чувствую Тебя в пении птиц.
В твоём доме каждый день
мир просыпается обновленным,
Бескрайнее небо озаряется лучами,
Украшая мир необычайным сиянием.
Сидя на циновке, Ты смотришь вокруг:
Всюду играют лучи, жизнь и радость...³*

В музыкально-поэтических строфах Рабиндранату удавалось отразить необычайно тонкую взаимосвязь религиозно-философских мыслей и образного мира природы, столь созвучного духовному миру человека. Слияние в песнях Тагора канонических мотивов пуджи, пракрити и прэм, порой в совершенно неожиданных сочетаниях, поражало и притягивало современников. Во многих его музыкальных сочинениях почти неразличимо проступают грани прэм и пракрити, когда безмолвная красота природы раскрывает сокровенное таинство любви. Одной из таких песен уже более ста лет – она написана в 1893 году, когда Рабиндранату было 32 года, – но музыкально-поэтическое очарование ее не увядает:

*В темной чаще лесной под ветвями
в вечерней прохладе*

² Тагор Р. Собр. соч. в 12 т. Т. 8. М., 1964. С. 21 (перевод В. Потаповой).

³ Тагор Р. Шоробитан. Т. 23. Калькутта, 1956. С. 41 (на бенгали; подстрочный перевод Пуроби Рой). Многие песни Тагора пока еще не имеют не только поэтического, но даже подстрочного перевода на русский язык.

⁴ Там же. Т. 35. С. 41.

*На ковре из травы я сижу с отуманенным взором.
<...> В неподвижной глади реки
отражаются темные тени,
Певучими звуками цикад наполняется
земля, вода, небо;
Все плывет в волшебном сне.
В мое одинокое сердце приходит твой образ,
подобно лику луны⁴.*

Неординарными для традиционной индийской музыкальной поэтики были песни Тагора, связанные с важными событиями в повседневной жизни людей, посвященные дню рождения, свадьбе, новоселью, прокладыванию первой борозды, временам года и другим праздникам (впоследствии их объединили в отдельную тематическую группу *ануштаник-шонгит*, то есть «обрядовая

В роли Вальмики в драме «Гений Вальмики»

музыка»). Почти все эти песни Р. Тагор сочинил в Шантиникетоне; здесь в 1919 году он основал университет и с особой силой почувствовал, как это важно и необходимо, чтобы жизнь была связана с искусством и музыкой. Если раньше многие события отмечались лишь деревенскими жителями, которые считали их священными и связывали с ними свое благополучие, то теперь по инициативе Тагора они стали обретать характер всеобщих празднеств. А новые, специально приуроченные к этим событиям песни делали их более значительными и возвышенными. Вот одна из них, посвященная сбору урожая, в ней удивительно органично передаются и одухотворенность труда, и праздничность самого события:

Будем все собирать урожай!

*Поле – друг наш. В амбары дары его лягут.
Их заполнят, и хватит запасов нам на год.
Дар земли мы возьмем, – рис мы жнем,
И поем, – радость бьет через край!⁵*

Широкий диапазон нововведений Р. Тагора в индийскую вокальную музыку объясняется не только редким сочетанием его музыкального и поэтического талантов, озаренных богатым творческим воображением, но и той исторической и социальной обстановкой, в которой проходило формирование его художественных и идеологических взглядов. Годы жизни Тагора (1861–1941), особенно время его становления как художника, совпали с важным периодом в истории индийского общества, когда осязательно стало набирать силу общественное движение, направленное на самоутверждение национального духа перед лицом все более очевидного влияния чужеродной британской культуры. Одно из самых известных бенгальских просветительских обществ «Брахмо самадж» (которое долгое время возглавлял отец Р. Тагора – Дебендронатх Тагор) активно выступало за культурную и политическую независимость Индии, проповедовало идеи братства рас и народов, призывало к возрождению эстетических ценностей древней индийской цивилизации, приветствовало появление самобытной и прогрессивной национальной литературы.

Эти идеи составляли основу духовного мира семьи Тагоров. Их дом – именуемый *Джорашако* – посещали известные общественные деятели, видные писатели, драматурги, именитые музыкан-

ты – лучшие представители индийского общества, жившие в атмосфере борьбы за идеалы свободы и справедливости. Дом Тагоров был своеобразным центром культурной жизни Калькутты (до 1911 года – столица Британской Индии; ныне – Калькота, столица штата Западная Бенгалия). В этом родовом доме 7 мая 1861 года и появился на свет четырнадцатый ребенок, которому было дано имя Рабиндранат, что в образно-поэтическом переводе означает Солнечный Индра.

Отец Рабиндраната был исключительно одаренным человеком; он стремился дать детям хорошее разностороннее образование и активно поддерживал их творческие наклонности. Дети участвовали в постановке драм, читали отрывки из произведений прогрессивных бенгальских авторов, сочиняли стихи и песни к традиционным индийским праздникам. С особым энтузиазмом в Джорашако готовились к *Хинду-мела*, и при содействии этой семьи обычная ежегодная *мела* (ярмарка) постепенно превратилась в настоящий фестиваль национальных талантов. По воспоминаниям Тагора, «это была, пожалуй, первая попытка воплощения идеи Матери-Индии как идеи национально-религиозной. Пение песен, возвеличивающих родину, декламация патриотических стихов, выставка произведений национальных искусств и ремесел, поощрение национальных талантов и способностей – вот что составляло программу этой Мела»⁶.

Яркие национальные праздники сыграли исключительно важную роль в расширении музыкального кругозора юного Рабиндраната, определив его интерес к различным жанрово-стилистическим музыкальным направлениям. Его увлечению музыкой во многом способствовало то, что он от природы обладал прекрасным слухом, отличной музыкальной памятью и хорошими вокальными данными. Отец вдохновлял его на пение, и Тагор впоследствии говорил, что не помнит такого времени, когда бы он не пел песен⁷. Царившая в доме литературная и артистическая атмосфера захватывала воображение мальчика, побуждала его к лирическому самовыражению. Первые стихи он сочинил, когда ему было не более семи-восьми лет, а первые песни – около четырнадцати. «Во время нашего отрочества, – писал Р. Тагор в «Воспоминаниях», – музыка процветала у нас в семействе. Для меня в этом было то преимущество, что я мог впитывать ее без малейших усилий всем моим существом»⁸.

⁵ Тагор Р. Собр. соч. Т. 8. С. 107 (перевод Е. Бируковой).

⁶ Там же. Т. 12. М., 1965. С. 88.

⁷ См. Чоудхури П. Рабиндронгит локгити, киртон о учанго шонгитэр пробхаб. Калькутта, 1970. С. 139.

⁸ Тагор Р. Собр. соч. Т. 12. С. 81.

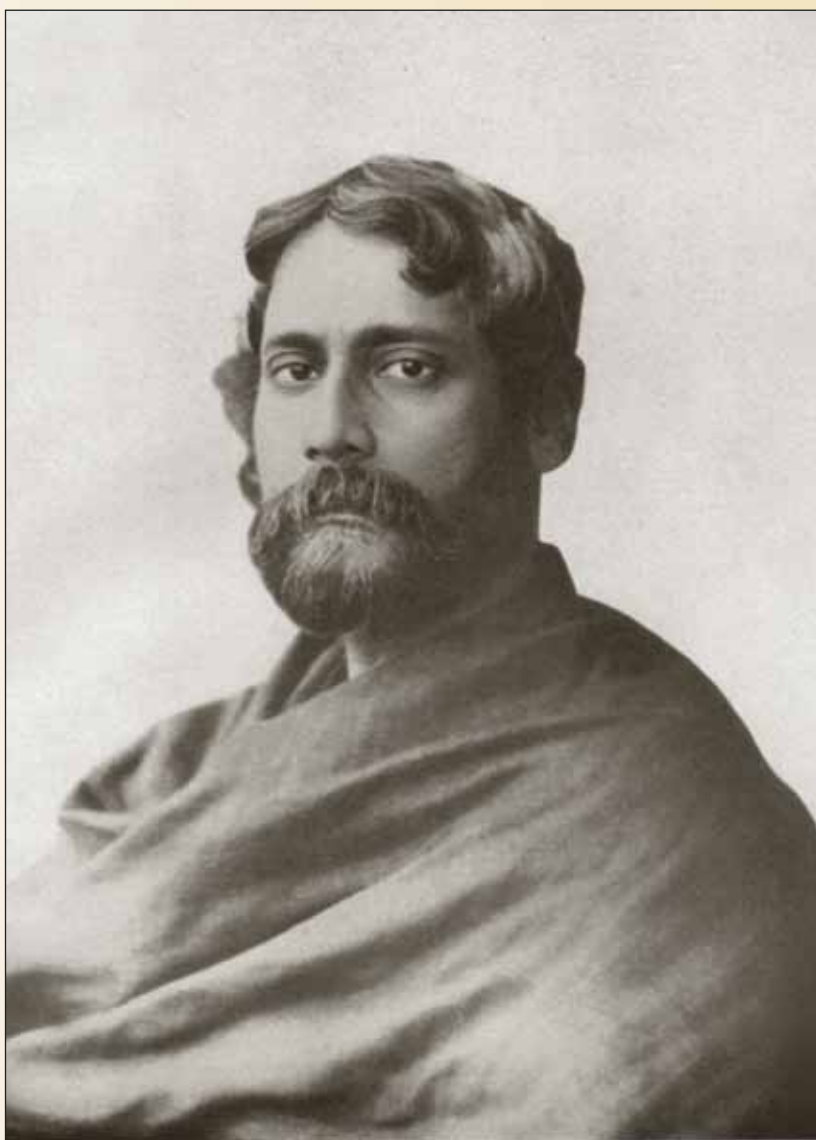
Согласно сложившимся устоям в семье Тагоров особым почетом пользовалась классическая музыка Северной Индии (*хиндуствни-сангит*). Рабиндранат начал сочинять свои музыкальные произведения сразу в нескольких классических жанрах – *дхрупад, дхамар, кхаял, таппа*. Такого ранее не осмеливался делать ни один сочинитель. При этом и музыкально-поэтическое содержание песен, и авторское их исполнение, по отзывам современников Тагора, показывали исключительно глубокие знания тончайших особенностей всех этих жанров.

Невозможно обойти вниманием музыкально-поэтический цикл «Бханушингер падаболи» (известный у нас как «Поэмы Бханушингхо»), который был создан Рабиндранатом в 1877 году, когда автору было всего 16 лет, и к которому он не раз возвращался, дополняя его вплоть до 1883 года. По музыкальной характеристике его *падаболи* занимают промежуточное место между северо-индийской классической музыкой и средневековыми вишнуитскими музыкальными поэмами. Увлеченный творчеством бенгальских поэтов-вишнуитов (XIV–XVI века), Рабиндранат писал свои падаболи, полностью сохраняя стиль и язык тех времен.

Они полны лиризма и страстной любви, в них земное сочетается с мистическим, «слова и мелодия здесь дополняют друг друга, как два крыла одной птицы, в них чувствуется единая связь, они струятся как неразрывная музыкально-поэтическая гирлянда»⁹.

*Густые заросли цветов трепещут в такт
мелодий флейты,
Отбрось и страх, и стыд, приходи, о милая,
приди, не медли!*¹⁰

О художественных достоинствах этих сочинений Рабиндраната весьма красноречиво говорит тот факт, что до сих пор различные варианты песенно-танцевальных композиций, основан-

Рабиндранат Тагор. 1913

ных на «Бханушингер падаболи», остаются в числе самых популярных постановок в Западной Бенгалии.

На творчество Р. Тагора как в ранний период, так и в дальнейшем определенное влияние, бесспорно, оказывали народные бенгальские напевы. Вдали от городской суеты, в своем родовом имении Шилайдохо (ставшем на некоторое время его постоянным местом жительства) Тагор имел редкую возможность ежедневно наблюдать жизнь, обычаи, обряды и песни бенгальской деревни. Его увлекала эмоциональная выразительность народного мелоса, своеобразие ритма, несложная, но красочная фиоритура. «Мелодии, издаваемые флейтами наших пастухов, – писал Р. Тагор, – невольно переносят мое воображение к тем уединенным дорож-

⁹ Дас П.К. Рабиндронгит-прошонго. Т. 2. Калькутта, 1973. С. 79 (перевод с бенгали).

Поэты-вишнуиты сочиняли падаболи на языке браджабули, представляющем собой смесь бенгали и маитхили.

¹⁰ Вольный перевод Т.Е. Морозовой.

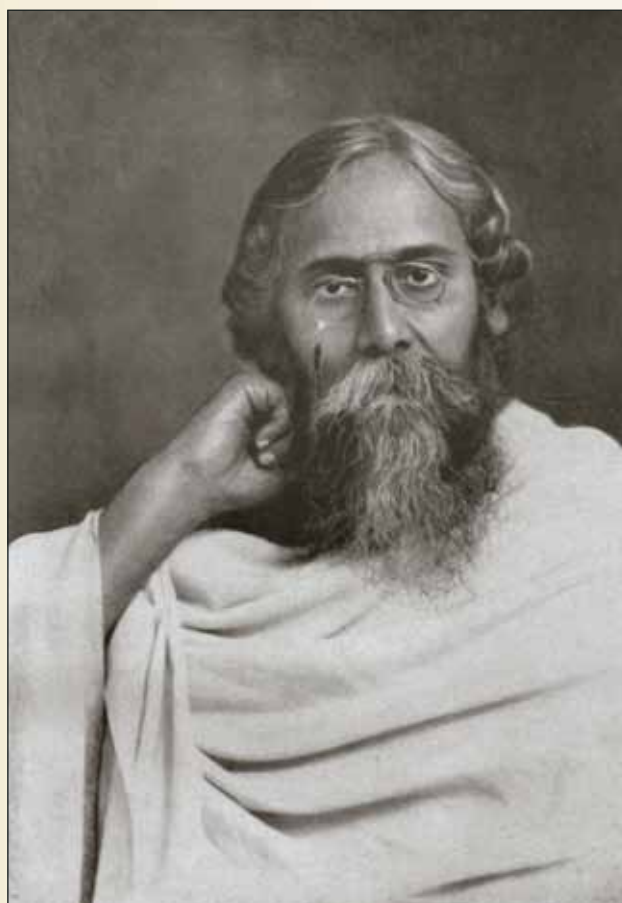
кам в тени бамбуковых зарослей, по которым проходят простодушные девушки, несущие кувшины с водой, где зовет с ветви мангового дерева кукушка и где откуда-то издалека доносятся песни лодочников... В исключительной простоте этих мелодий и лежит их необыкновенная трогательность»¹¹.

Не удивительно, что в этой обстановке у Тагора рождаются свежие идеи, появляются оригинальные поэтические творения и песни. Одной из них была «Кришноколи», написанная почти полностью в речитативной манере. Уважающий традицию, но не скованный ею, свободный от предрассудков, певец прекрасного, Р. Тагор видел красоту там, где другие ее не замечали (или не хотели замечать). Простую деревенскую девушку, над которой все насмеяются из-за того, что она слишком темнокожа, он называет «Черным цветком» (*Кришноколи*) и делает героиней своей песни. В конце каждого куплета повторяется вопросительное восклицание «Кало?» («Темнокожая?»), передающее гамму самых разных романтических чувств, ведь она так прекрасна и загадочна, эта девушка с черными очами встревоженной лани.

*Я прозвал ее Черным цветком – Кришноколи,
Пусть ее как хотят называют сельчане.
Днем ненастным увидел я в рисовом поле
Эти черные очи испуганной лани.
Не успела лица Кришноколи закрыть –
Было некогда ей за приличием следить.
Темнокожа ль она? Может статься, и очень –
Я увидел лишь лани встревоженной очи...¹²*

Время пребывания Тагора в Шилайдохо, где он жил, с небольшими перерывами, с 1891-го по 1914 год, индийские исследователи выделяют как одно из самых плодотворных в его музыкально-поэтическом творчестве. Здесь он расширил свои познания в области фольклора и глубже прочувствовал его жанровую специфику. Песни бенгальских лодочников, такие как *шари* и *бхатиали*, а также своеобразные *баули* и *рампрашади*, исполняемые бродячими деревенскими певцами, были восприняты Тагором столь же полно и вдохновенно, как когда-то в юности высокие классические жанры. Все это придавало особый колорит его новым музыкально-поэтическим композициям, в них прихотливо соединялись различные жанры, возникали неожиданные ритмические рисунки, мелодические обороты и фиоритурная окраска.

Когда в 1905 году англичане готовили насильственный раздел Бенгалии (по принципу религи-

Рабиндранат Тагор. 1913

озной принадлежности), Рабиндранат Тагор обратился к соотечественникам с яркими и смелыми патриотическими песнями, написанными в духе понятного и близкого народу жанра *бауль*. В этих песнях сочетались пафос и лирика, звучала боль за страдания Матери-Родины и решимость встать на ее защиту.

*Пусть Бенгалии земля, воды, воздух и поля
Благодатны будут, благодатны, боже!
Пусть Бенгалии дома, рынки, нивы, закрома
Изобильны будут, изобильны, боже!
Пусть бенгальцев упованья, мысли, речи
и желанья
Справедливы будут, справедливы, боже!
Пусть бенгальцев всех сердца бьются в лад –
и до конца
В единенье будут, в единенье, боже!¹³*

Чтобы помешать английским колонизаторам разжечь вражду между мусульманами и индусами, Тагор призвал всех жителей Бенгалии, независимо от вероисповедания, совершить древний риту-

¹¹ Тагор Р. Шонгит-чинта. Калькутта, 1966. С. 205 (перевод с бенгали).

¹² Тагор Р. Собр. соч. Т. 4. М., 1963. С. 135 (перевод Д. Голубкова).

¹³ Там же. Т. 8. С. 37 (перевод Е. Бируковой).

ал *ракхи* (обвязывание нити вокруг запястий друг друга), символизирующий узы братства. Многие песни Тагора, прозвучавшие в бурные осенние дни 1905 года, остались в памяти бенгальцев как *ракхи-шонгит* (песни единения) и стали по существу первыми массовыми песнями Индии¹⁴. Десятилетия спустя (в 1972 году) одна из популярных песен того времени «Амар шонар Бангла» («Моя золотая Бенгалия») стала гимном Бангладеш. Следует напомнить, что в качестве государственного гимна Индии в 1950 году также была избрана патриотическая песня Р. Тагора «Джанаганамана».

Особое место в его творчестве занимают музыкально-поэтические сборники «Гитанджали», «Гитималла» и «Гитали» (1910–1914), за первый из которых, в его собственном переводе с бенгали на английский, он был удостоен Нобелевской премии. В связи с этим на русском языке появились две версии переводов: с английских текстов в прозаическом виде и с языка оригинала в стихотворном. Они не соперничают друг с другом; в каждом варианте по-своему осуществляется попытка наиболее полно передать глубину философской мысли поэм и яркость их образного мира.

Я знаю, что песнь моя угодна тебе. Я знаю, что могу предстать пред тобою только с песнью.

Я касаюсь краем широко раскинутого крыла моей песни стопы твоей, которой никогда не дерзнул бы достигнуть.

Опьяненный радостью песнопения, я забываюсь и называю тебя другом, тебя, моего господя¹⁵.

*Пускай еще не свершилось,
Чему настанет черед,
Я знаю, о да, я знаю:
Ничто без следа не пройдет.
Что в жизни моей не настало,
Что в песнях не прозвучало, –
На віне твоей чудесной
Звенит спасеньем от бед.
Я знаю, о да, я знаю:
Ничто не сойдет на нет¹⁶.*

В этих музыкальных произведениях Рабиндраната Тагора видна зрелость мастера, свободно владеющего всем комплексом традиционных ладо-интонационных и метро-ритмических основ (то есть

рагой и талом), в той мере и в тех аспектах, которые требовались для выражения его творческих замыслов. Здесь со всей очевидностью выявляется особенный «тагоровский стиль», сложившийся в процессе его творческого подхода к использованию возможностей народной и профессиональной индийской музыки как результат его плодотворного, почти полувекового на тот момент музыкального творчества.

С 1915 года и до последнего дня (Рабиндранат Тагор оставил этот мир в 1941 году) практически постоянным местом его жительства становится Шантиникетон. Именно здесь творческая натура поэта-музыканта получила возможность непосредственно воплотить в жизнь свои музыкальные замыслы. Тагор не мыслил воспитания гармонической личности без серьезного занятия искусством и в программу обучения открытого им университета включил изучение индийской музыки и национальных танцев. При его непосредственном участии здесь, среди естественной природы, проходили праздничные представления, осуществляемые силами самих студентов и преподавателей. В Шантиникетоне были поставлены три его лучшие музыкально-танцевальные драмы (*нритто-натто*) – «Читрангода» (1936), «Чандалика» и «Щама» (1938), написанные им на склоне лет и признанные шедеврами индийского театрального искусства¹⁷.

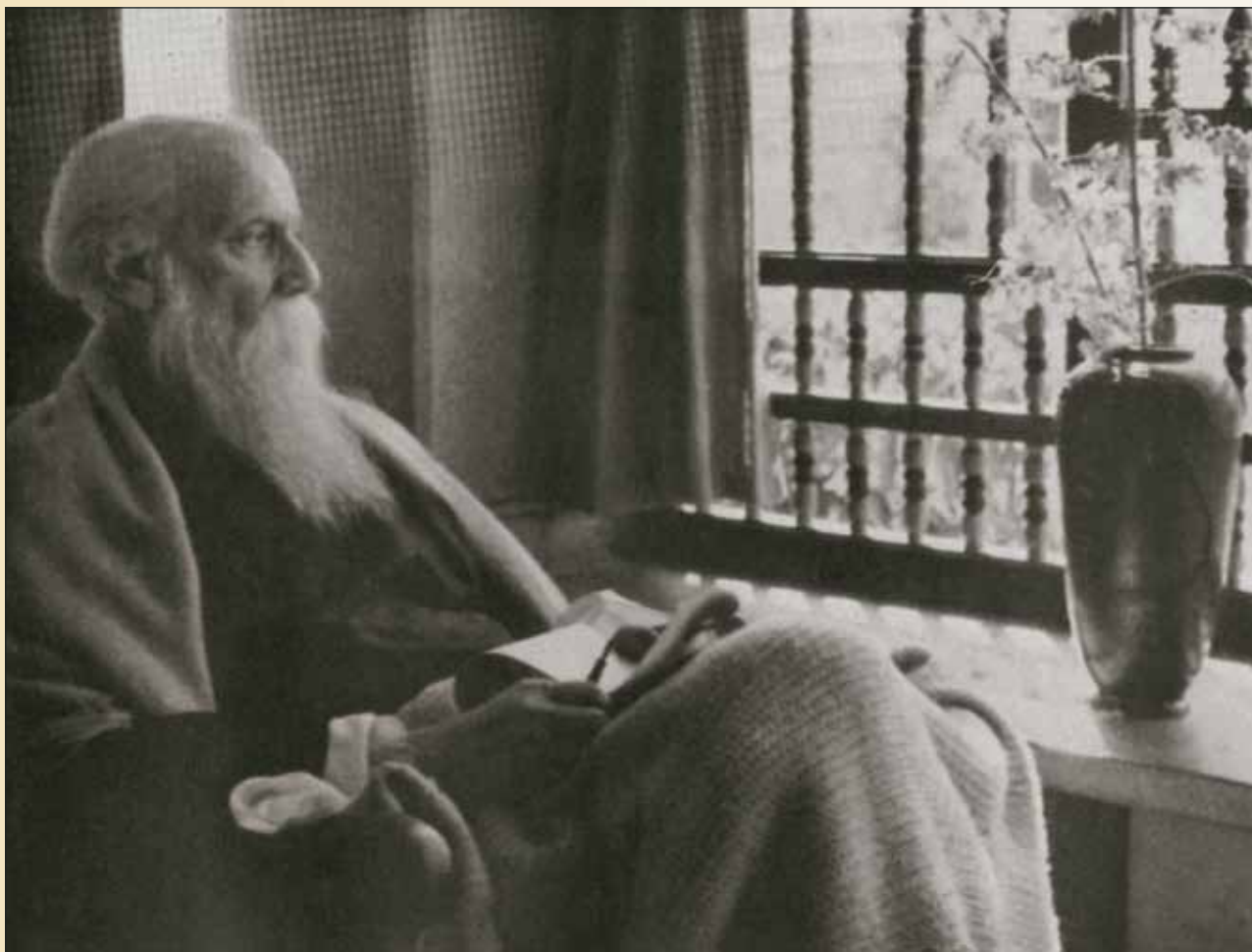
В результате многолетних творческих поисков Рабиндранат Тагор пришел к созданию цельных спектаклей, где все средства художественной выразительности в едином комплексе направлены на развитие драматургической линии, границы речитативного и мелодического начал практически стираются и действие полностью подчиняется сквозному музыкальному развитию. Музыкальные драмы Тагора весьма интересны и оригинальной трактовкой взятых за основу традиционных сюжетов, которым автор, вопреки устоявшимся ортодоксальным взглядам, придал острую социальную направленность. Сделав героиней пьесы «Чандалика» девушку из «неприкасаемой» касты *чандалов* (из рук которых представители других каст не возьмут даже воду), он протестует против кастовой системы, предопределяющей человеческие судьбы. В один из драматических моментов пьесы на вопрос испуганной матери: «Неужели ты утратила веру в богов?» –

¹⁴ См.: Морозова Т. Е. Рабиндрошонгит: Музыка Рабиндраната Тагора. М., 1993. С. 58–61.

¹⁵ Тагор Р. Собр. соч. Т. 12. С. 298 (перевод Н. Пушешникова под редакцией И. Бунина).

¹⁶ Там же. Т. 4. С. 322 (перевод В. Рогова).

¹⁷ Всего в течение жизни Р. Тагор создал 14 музыкальных драм. Среди них три *риту-натто* (то есть пьесы о природе) и семь *гити-натто* (дословно «песенные драмы», где наряду с музыкальным материалом используются драматические диалоги), в числе которых наиболее известны «Вальмики протибха» («Гений Вальмики»), «Пхальгунни» («Торжество весны»), «Ташер дэш» («Карточное королевство»).

Последние дни поэта

героиня отвечает: «Вера, которая оскорбляет, – ложная вера!» Страстным обвинением в несправедливости звучит ее песня:

*О, Мать-Земля, я – дочь твоя,
Из праха создана.
Я женщиною рождена,
Но права человеком быть
С рожденья лишена¹⁸.*

С той же душевной страстью Тагор создает образ Читрангоды, героини одноименной музыкальной драмы, основанной на одном из эпизодов древнего индийского эпоса «Махабхарата». Она предстает символом новой женщины Индии, свободной от вековых предрассудков, верной, нежной, любящей и в то же время независимой и самоотверженной, готовой идти по трудной дороге жизни рядом с мужчиной и наравне с ним. В заключительной сцене герой драмы Арджуна, покоренный целостностью характера своей возлюбленной, восклицает: «О, счастлив я, и жизнь

моя полна!», принимая Читрангodu как единственно возможную для себя спутницу жизни.

Музыкально-поэтическое наследие Тагора исключительно обширно и многолико; и, может быть, самое трудное – назвать наиболее интересные и значительные произведения поэта, поскольку глубокой эмоциональной насыщенностью, красочной образностью и удивительно разносторонней тематикой богато каждое из его более чем двух тысяч сочинений. Но, завершая перелистывание страниц творческой биографии этого великого человека, невозможно не упомянуть о песне, написанной им в декабре 1939 года. Р. Тагор завещал исполнить ее в день своего ухода. В печальный для Индии час, 7 августа 1941 года, его воля была исполнена.

*Океан покоя великого впереди,
В путь далекий, о кормчий, ладью мою поведи.
Вечным спутником стань мне, о кормчий мой,
В час отплытья мне лоно свое открой.
Будет с нами сиянье Дхрува-звезды
В нескончаемом нашем пути.*

¹⁸ Тагор Р. Собр. соч. Т. 10. М., 1965. С. 402 (перевод В. Гороновой и Ф. Мендельсона).

*О свободу дарующий, в странствии вечном, от зла
Ты прощением и милосердьем меня огради.*

*Пусть же с бренной землю расторгнется связь,
Чтоб в объятья вселенной упасть,
Чтоб вступила душа моя, не страшась,
В Неизвестное, что ожидает ее впереди¹⁹.*

«Его песни переживут поколение за поколением, свежие, как первые цветы весны, и столь же чарующие, как музыка лунного света», – гласят строки из журнала «Вишвабхарати Квотерли», написанные через месяц после кончины Р. Тагора. Современникам казалось, что «с ним умер век». Несмотря на все жизненные испытания, он всегда оставался оптимистом и, даже умирая, провозглашал вечный триумф жизни. За три дня до своего последнего дня рождения Тагор сочинил песню, приветствующую приход в жизнь нового человека:

*В прах рассыпался мрак новолунья,
Пали крепости тьмы.
На вершине горы рассветной
Звучит напущения слово:
«Смелее, смелее, – к жизни новой».
«Слава, слава рождению человека!» –
Звучит в небесах громово²⁰.*

Это трепетно-высокое отношение к человеческой жизни как к великому дару, посягать на который никто не имеет права, заставило его с особой болью переживать нашествие фашистской Германии на нашу страну. Несмотря на болезнь, он просил каждый день читать ему вслух военные сводки. «Ему невыносима была мысль о том, что нацистский сапог оскверняет землю Советской России, – писал известный литератор К. Крипалани, находившийся с Тагором в его последние дни. – <...> До самого своего конца он верил, что победа все-таки будет за Россией. Он обладал глубокой, почти фанатической уверенностью, что добро и справедливость обязательно восторжествуют»²¹.

Искреннюю любовь и неугасающий интерес к нашей стране Тагор испытывал в течение всех последних лет своей жизни, после того как посетил Советский Союз в 1930 году. «Мой визит в Россию был полон сюрпризов и больших размышлений. <...> Меня привело в восторг то, что здесь впервые дали возможность приобщиться к просвещению всему народу, открыли перед ним двери школ, музеев, театров. <...> Театральное искусство, достигшее необычайного расцвета на русской сцене, не прекращает смелых поисков новых путей. <...> Поэтому я хочу еще раз сказать всем нашим суровым борцам и святым: когда я вернусь на родину, никакие полицейские репрессии не заставят меня отказаться от моих музыкальных драм и песен!» – писал Тагор в «Письмах о России».

Песней Рабиндраната Тагора, исполненной автором 24 сентября 1930 года в Колонном зале Дома союзов на вечере, устроенном в его честь, мы закончим рассказ о его музыкально-поэтическом творчестве. Поясняя содержание своей песни, звучащей на бенгали, Тагор сказал: «В земледельческих странах первая дождевая капля наполняет сердце простых людей огромной радостью. Когда тучи постепенно обволакивают небо, радость летит от сердца к сердцу, от деревни к деревне. Поэт описывает свою радость при виде первого вестника дождя после летней засухи. Он говорит, что сердце его как бы танцует подобно павлину с распущенным хвостом»²².

*Мое сердце танцует словно павлин,
Распустив пред дождем свои перья.*

*Вот уж первые капли со звоном
На зеленые падают листья.*

*Ветер влажный приносит прохладу,
Он цветами бокула играет,
И порывисто волосы треплет.*

*Лес шумит, как встревоженный улей,
И река уж бурлит и клокочет,
Все в природе поет и ликует!²³*

¹⁹ Тагор Р. Собр. соч. Т. 8. С. 441 (перевод В. Тушновой).

²⁰ Там же. С. 445 (перевод В. Тушновой).

²¹ Крипалани К. Рабиндранат Тагор. М., 1989. (ЖЗЛ). С. 5–6.

²² Рабиндранат Тагор – друг Советского Союза / Сб. документов и материалов. М., 1961. С. 88.

²³ Вольный перевод Т.Е. Морозовой.

Сердце мое танцует словно павлин (Ridoy amar nachere ajike...)

Нотная запись песни. Перевод с индийской ното-буквенной системы в европейскую нотацию выполнен Т.Е. Морозовой

Рага Иман

огень быстро

ri - doy a - mar na - che re a ji - ke mo - yu - re - ro mo - to na - che
re, na - - - - che re.
sho - to bo - ro - ner bha - to - uch - chhash
ko - la - pe - ro mo - to ko - re - chhe bi - kash,
a - ku - lo po - nar a - ka - she cha - ri - ya
ul - la - she ka - re ja - che re.
O - go, nir - jo - ne bo - ku - lo - sha - khay.
do - lay ke a - ji du - li - chhe, do - dul
du - li - chhe, do - dul du - li - chhe do - dul
du - li - chhe. jho - ro - ke jho - ro - ke jho - ri
chhe bo - kul a - cho - lo a - ka - she

ho - te - chhe a - kul u - ri - ya o - lok dha - vi -
 chhe po - lok ko - bo - ri uho - shi - ya khu - li -
 chhe. O - go, nir - jo - re
 bo - ku - lo - sha - khay do - lay ke a - ji
 du - li - chhe, do - dul du - li - chhe do - dul
 du - li - chhe do - dul du - li - chhe. Jho - re gho - no
 dha - ra no - bo pol - - lo - be, ka - -
 pi - chhe ka - - no - no jhil - - li - no
 no - be tir chha - pi no - di ko - lo - kol - lo - le
 ko - lo - kol - lo - le e - lo pol - li - no ka - chhe re.
 Ri - doy a - mar na - che re a - fi - ke mo - yu - re - no mo - to na - che
 re, na - - - che re.

Рабиндранат Тагор

Избранное*

Моление

Мелодию дай, приобщи к песнопенью, учитель.
Мелодия надобна мне! Я – смиренный проситель.
Небесная Ганга, восход золотой усвоили этой мелодии строй
И петь научились, подслушав тебя, вдохновитель.
Отправлюсь я, душу наполнив мелодией вечной,
Туда, где царит разногласье и шум бесконечный.
В людской круговерти, среди суеты, разлада, сумятицы и тесноты,
Ты сам испытай мою вину¹, великий ценитель!

По ночам под звуки флейты бродят звездные стада.
Ты коров своих, незримый, в небесах пасешь всегда.
Светоносные коровы озаряют сад плодовый,
Меж цветами и плодами разбредаясь кто куда.
На рассвете убегают, лишь клубится пыль вдогон.
Ты их музыкой вечерней возвращаешь в свой загон.
Разбрестись я дал желаньям, и мечтам, и упованиям.
О пастух, придет мой вечер – соберешь ли их тогда?

Я коврик мелодии здесь разостлал:
О путник, тебе – постоянный привал!
На зов пробудившейся птицы плывешь на пароме денницы
Туда, где волна омывает причал.
Побудь на заре у дверей при утренней песне моей!
Сегодня с рассвета надвинулись тучи на лес,
Слезам наполнив глаза голубые небес.
У пальмовой рощи, в тумане, стоишь ты в другом одеянье.
О, не удаляйся украдкой! Хоть сколько-нибудь
В сырой полумгле моей пасмурной песни побудь!

* Переводы с бенгали. Публикуется по: *Тагор Р. Собр. соч.*
в 12 т. М., 1961–1965.

¹ Вина (санскр.) – индийский струнный щипковый инструмент.

Родник мелодии твоей журчит в краю пустынном.
Я молча перед ним стою с наполненным кувшином.
Садится солнце за горою дальней,
Оттуда посылая свет прощальный.
Я слушаю потока звук печальный,
Глаза рассеянно следят за журавлиным клином.
Родник мелодии твоей журчит в краю пустынном.

Весь день владели мной дела житейские и нужды.
Но отрешился я от них, сейчас они мне чужды.
Не стану больше воздавать им дани.
В стране, лежащей вне людских желаний,
К исходу дня, я, после всех скитаний,
Блаженство, данное тобой, богатством счел единым.
Родник мелодии твоей журчит в краю пустынном.

Перевод В. Потановой

Кришноколи

Я зову ее Черным цветком – Кришноколи,
Но чернавкой ее называют сельчане.
Днем ненастным и ветреным в рисовом поле
Повстречал я глаза перепуганной лани.
Шла она, не покрыв головы второпях,
Ветер бился в свободных ее волосах.
Темнокожа ль она? Может статься, и очень –
Я увидел лишь лани встревоженной очи.

Небо облаком заволокло, помрачнело,
Заревели протяжно две темных коровы.
Темноликая девушка к ним побежала,
На свинцовое облако глядя сурово.
Вдруг ударил раскатистый гром – и она
Бровью в сторону грома стрельнула, гневна.
Темнокожа ль она? Может статься, и очень –
Я увидел лишь лани встревоженной очи.

Набежал неожиданно ветер восточный,
Заходило волнами высокими поле.
Опустела округа. Один я остался.
Поспешала домой до грозы Кришноколи.
И не знает на свете никто, кроме нас,
На меня Кришноколи взглянула ль хоть раз?
Темнокожа ль она? Может статься, и очень –
Я увидел лишь лани встревоженной очи.

Так весенней порой налетают внезапно
Черные, словно сажа, восточные тучи.
Так позднее деревья тамаловой рощи
Облекаются легкою тенью летучей.
Так, когда воцаряется влажный муссон,
Дух нежданною радостью заворужен...
Темнокожа ль она? Может статься, и очень –
Я увидел лишь лани встревоженной очи.

Я прозвал ее Черным цветком – Кришноколи,
Пусть ее как хотят называют сельчане.
Днем ненастным увидел я в рисовом поле
Эти черные очи испуганной лани.
Не успела лица Кришноколи закрыть –
Было некогда ей за приличьем следить.
Темнокожа ль она? Может статься, и очень –
Я увидел лишь лани встревоженной очи...
Перевод Д. Голубкова

Мной была эта песня весны сложена.
Ты забудешь ее, только минет весна.
Но – мне дорого это! – в ночь весны и расцвета
На глазах твоих вызвала слезы она.

Нет, вниманье твое утомлять я не буду.
Завершится мой круг, и уйду я отсюда.
Но весной ты снова, только в песне другого,
Голос Нового сердцем услышать должна.
Перевод Ю. Нейман

Прощанья песня слышится чуть свет.
Неси сюда свирель свою, поэт.
В осенней утренней росе, в цветах, в их запахе, красе,
Уйдя, оставь хотя бы песни след.
Вернутся снова золотые зори
С подвескою – жасмином на проборе,
Тень с воркованьем голубей, печаль, которой нет нежней,
Звонящий песнею твоей
Осенних дней рассвет.
Перевод Т. Спендиаровой

Лодочник, кормчий жизни моей земной,
Слышишь с другого берега пенье свирели ночной?
Разве твоя ладья не пристанет к нему?
Разве не вспыхнут факелы и не рассеют тьму?

Кажется мне в тишине: слышится ветра полет,
Чей-то голос зовет, по морю тихо плывет.
Я в этот мир принес немного цветов,
Свежей охапкою я украсить корзину готов.

Перевод С. Мар

Тебя пленять не буду красотой, любовью я лишу тебя покоя.
К дверям твоим не прикоснусь рукою, но силой песни – дверь твою открою.

Тебе, я знаю, не нужны нимало ни украшенья, ни цветы тамала,

Хочу, чтоб ты перед людьми предстала в гирлянде нежности, сплетенной мною.

И не поймут – какую бурей полны, в твоей душе запляшут дико волны,

Что притяженьем, как луна, безмолвно, – волну я поднимаю за волною.

Перевод Ю. Нейман

В челне проворном кто плывет, смущая вод покой?

Чьей флейты звук тревожит грудь разлуки злой тоской?

Исполнен боли тот напев. Приморский ветер, налетев,

Прибил сюда его в сквозной

Тени лесной.

Мне на чужбине эта боль прощальная слышна;

Осенней сбрызнута росой, в душе звучит она.

И мнится: кто-то вдалеке, с кувшином, медленно к реке

Идет глухую стороной

В тени лесной.

Перевод Т. Спендиаровой

Дожди иссякли, зазвучал разлуки голос одинокий.
Собрать напевы срок настал, – перед тобою путь далекий.
Отгрохотал последний гром, причалил к берегу паром, –
Явился бхадра, не нарушив сроки.
В кадамбовом лесу желтеет пыльцы цветочной легкий слой.
Соцветья кётоки забыты неугомонною пчелой.
Объаты тишиной леса, таится в воздухе роса,
И на свету от всех дождей – лишь блики, отблески, намеки.

Перевод М. Петровых

Я в мир явился песни петь,
Что от тебя пришли.
О, хоть клочок пространства мне,
Владыка, удели.
Я в мире, созданном тобой,
Всегда один, всему чужой,
И силы, скоплены душой,
Лишь звук родить смогли.

Я в храме по ночам таюсь,
Тебе хвалу творя,
И жду я повеленья петь
От моего царя.
Когда рассветный небосклон
Вдруг задрожит под вины звон,
Тобой да буду одарен,
А не забыт вдали.

Сегодня душу у меня
Закрыла туч гряда,
Летит, летит моя душа
Неведомо куда,
И на струнах души моей
Удары молний все сильней,
И грома песнь гремит в груди
Могуча и горда.

Сгущается, синяя, мгла;
Она мой стан обволокла
И в душу взмывшую ко мне
Проникла навсегда.

Мне пьяный ветер – друг сейчас,
Он бешено пустился в пляс
И с хохотом летит вперед,
Не ведая стыда.

Был зван на радостный обряд в мир беспредельный я...
Благословен извечный ход земного бытия!

Мой взор по граду красоты
Блуждает, обрета мечты,
И звуки, низки и густы,
Звенят, напев струя.

На том обряде, подчинясь велению твоему,
Поет моя свирель,
Я плач души и смех души, как ты того желал,
В ее вливаю трель.
Позволь теперь к тебе прийти,
Хвалу тебе произнести.
Скажи, что срок тому пришел –
Вот вся мольба моя.

Хотел светильник я зажечь –
Увы, он каждый раз,
Тьму не прогнал, где ты сокрыт,
Неумолимо гас.
Лиана завилась, но корень сух:
Цветам не цвести, хотя бутон набух;
Для жертвоприношения тебе
Лишь муки я припас.

Мне велелепия не знать:
К тебе я на поклон
Иду, во вретнице свое
Смиренно облачен.
Никто ко мне на праздник не пришел,
Нет звука флейты, дом, как прежде, гол,
К руинам храма я привел тебя,
И слезы льют из глаз.

Перевод В. Рогова

О как ты столько дней, для всех неуловимо,
Существовала здесь, неслышна и незрима?
В заботы прятала сияние лица,
Открыта одному всеведенью творца.
Покорно-тихая, сквозь каждое мгновенье
Легко скользила ты, полна благоговенья;
Семью лелеяла любовью и трудом...
Но где таилась ты, и здесь ли был твой дом?
Когда ты в ночь ушла и дверь еще зияла,
Вся красота твоя так дивно просияла!..
Вдруг все обрушилось, пред сердцем пало ниц, –
Ни плодотворных дум, ни начатых страниц...
Но ты передо мной, и ты не наважденье, –
Недвижным оком зришь всевечное рожденье.

Перевод С. Шервинского

Когда я думаю: «Конец!» –
Догадка неверна,
Ты вновь приказываешь мне:
«Пусть прозвенит струна!»
Иная песнь, иной порыв!
Трепещет сердце, вновь ожив,
Стезею песни я бреду,
Но цель мне не видна.

Когда закатом позлащен,
Печально допою
Мою вечеровую песнь,
Мелодию мою,
Ночная песнь начнет опять,
Мне наполняя жизнь, звучать,
И вновь на веждах у меня
Нет ни крупички сна.

Перевод В. Рогова

Жизнь

В этом солнечном мире я не хочу умирать,
Вечно жить бы хотел в этом цветущем лесу,
Там, где люди уходят, чтобы вернуться опять,
Там, где бьются сердца и цветы собирают росу.
Жизнь идет по земле вереницами дней и ночей,
Сменой встреч и разлук, чередой надежд и утрат, –
Если радость и боль вы услышите в песне моей,
Значит, зори бессмертия сад мой в ночи озарят.

Если песня умрет, то, как все, я по жизни пройду –
Безмянною каплей в потоке великой реки;
Буду, словно цветы, я выращивать песни в саду:
Пусть усталые люди заходят в мои цветники,
Пусть срывают цветы, пусть склоняются к ним на ходу,
Чтобы бросить их прочь, когда в пыль опадут лепестки.

Перевод Н. Воронель

Праздничное утро

Открылось утром сердце ненароком,
И влился мир в него живым потоком.
Недоуменно я следил глазами
За золотыми стрелами-лучами.

Аруны показала колесница,
И утренняя пробудилась птица,
Приветствуя зарю, защебетала,
И все вокруг еще прекрасней стало.

Как брат, мне небо крикнуло: «Приди!»
И я припал, прильнул к его груди.
Я по лучу поднялся к небу, ввысь,
Шедроты солнца в душу пролились.

Возьми меня, о солнечный поток!
Направь ладью Аруны на восток
И в океан безбрежный, голубой
Возьми меня, возьми меня с собой!

Перевод Н. Подгоричани

Дыхание песни

То ли снова безмолвная флейта заиграла вдали,
То ли шепот бессонного ветра из весенней земли
Мне привет от далекой любимой на мгновенье принес, –
Но сегодня забытые песни зазвучали во мне,
Но сегодня вдоль берега Ганги, наклоняясь к волне,
Распустились бутоны улыбок в обрамлении рос.
Но сегодня забытые мысли разбудила весна,
И забытые чувства, как ветви, зашумели листвою,
Но сегодня в долину забвенья после долгого сна
Восседающая на лотосе возвратилась домой.
Нет тебя... Только шаг твой неслышный голос ночи таит,
Нет тебя... Только теплему ветру песни любви твои...
Только взгляд твой я всюду встречаю, – где же очи твои?
Только ласку твою ощущаю, – где же губы твои?

Перевод Н. Воронель

Из книги «Гитанджали»

Я не знаю, как поешь ты, наставник! Я слушаю в безмолвном изумлении.

Свет твоей песни озаряет мир. Дыхание твоей песни льется по небесам. Священный поток твоей песни разрушает все преграды и несется вперед.

Мое сердце жаждет соединиться с твоей песнью, но тщетны усилия моего голоса. Я жажду слова, но слово не претворяется в песню – и я вскрикиваю в отчаянье. Ах, ты опутал мое сердце бесконечными сетями твоей песни, наставник!

Я здесь, дабы петь тебе. В твоих чертогах у меня есть угол. В твоём мире для меня нет работы; моя бесполезная жизнь может вылиться в одних только бесцельных звуках.

Когда настанет час для безмолвного служения тебе в темном полуночном храме, о, повели мне, владыка мой, предстать перед тобой с песнопением!

Когда в утреннем воздухе звучит золотая арфа, удостой меня призывом твоим.

Где мысль бесстрашна и чело гордо поднято;
Где знание свободно;
Где мир не разбит на клетки перегородками;
Где слова исходят из глубин истины;
Где неустанное стремление простирает руки к совершенству;
Где светлый поток разума не блуждает в бесплодной и мертвой пустыне песков;

Где разум направлен к высоким помыслам и деяниям, –
В этих небесах свободы, Отец мой, да пробудится страна моя!

Какой божественный напиток ты хотел бы испить, господи, из переполненной чаши моей жизни?

Поэт, испытываешь ли ты радость, видя свое создание моими глазами и у дверей моего слуха молчаливо внимая своей вечной гармонии?

Твой мир рождает слова в моем уме, твоя радость добавляет к ним музыку. Ты отдаешься мне в любви и чувствуешь во мне свою же сладость.

Тот самый поток жизни, что течет день и ночь в моих жилах, течет во вселенной и танцует размеренный танец.

Это та самая жизнь, что радостно пробивается сквозь прах земли в несметных стеблях трав и разливается шумными волнами цветов и листьев.

Это та самая жизнь, что качается в океане – колыбели рождения и смерти, в приливах и отливах.

Я чувствую, что члены мои становятся лучезарными в соприкосновении с этой жизнью. И гордость моя – от этого векового биения жизни, танцующего в моей крови.

Разве не в силах ты радоваться радостью этого ритма? Кружиться, теряться, отдаваться водовороту этой страшной радости?

Все стремится вперед, безостановочно, не оглядываясь, и нет силы, могущей остановить это стремление!

Под эту безостановочную музыку кружатся в пляске и уходят времена года – краски, звуки и запахи льются бесконечными каскадами в преизбытке радости, которая рассеивается и умирает каждый миг.

Всю жизнь искали тебя мои песни. Это они вели меня от двери к двери, и через них постигал я мир.

Это они всему научили меня; они указали мне тайные пути, они открыли моему взору много звезд на небосклоне моего сердца.

Они водили меня весь день среди таинств страны наслаждений и муки; к каким же вратам привели они меня на закате, в конце моего странствования?

Перевод с английского Н. Пушешникова под редакцией И. Бунина